

RU

Социально-психологические портреты террориста и революционера в творчестве К. Г. Паустовского

Галяс И. А., Руденко Ж. А.

Аннотация. Цель исследования - выявить специфику индивидуального стиля русского советского писателя К. Г. Паустовского в процессе создания им социально-психологических портретов своих современников - реальных исторических лиц - личности интеллигента, революционера П. Шмидта и его антипода, террориста Д. Багрова, чьи оценки в истории по-прежнему спорны. Материалом для исследования являются художественно-документальные произведения К. Г. Паустовского: повести «Далекие годы», «Беспокойная юность», «Начало неведомого века», «Черное море», сборник рассказов «Бросок на юг». Научная новизна статьи состоит в попытке авторов на основе исследования художественно-документальных произведений К. Г. Паустовского выявить психологические приемы и языковые маркеры, помогающие писателю реконструировать образы своих современников - революционера П. Шмидта и его антипода - террориста Д. Багрова, осмыслить и оценить их место и роль в истории России. В результате исследования было обосновано, что для воссоздания портретов П. Шмидта и Д. Багрова К. Г. Паустовский использует художественную изобразительно-выразительную силу описания незначительных деталей их внешности, манеры общения, жестов, речи, помогающих читателю раскрыть душевные переживания, чувства и желания своих героев и антигероев, вскрыть их нравственную и безнравственную социальную сущность, определить авторские симпатии и антипатии к ним.

EN

Socio-Psychological Portraits of a Terrorist and a Revolutionary in K. G. Paustovsky's Creative Work

Galyas I. A., Rudenko Z. A.

Abstract. The aim of the study is to identify the specifics of the individual style of the Russian Soviet writer K. G. Paustovsky in the process of creating socio-psychological portraits of his contemporaries, real historical figures, i.e. the personality of an intellectual, revolutionary P. Schmidt and his antipode, a terrorist D. Bagrov, whose assessments in history are still controversial. K. G. Paustovsky's documentary fiction, the novellas "Distant Years", "Restless Youth", "The Beginning of an Unknown Century", "The Black Sea", a collection of short stories "Throw to the South" served as the study material. The scientific novelty of the paper lies in its authors' attempt to identify the psychological techniques and language markers that help the writer reconstruct the images of his contemporaries, the revolutionary P. Schmidt and his terrorist antipode D. Bagrov, on the basis of K. G. Paustovsky's documentary fiction, to comprehend and evaluate their place and role in Russian history. As a result of the study, it has been proved that in order to recreate P. Schmidt's and D. Bagrov's portraits, K. G. Paustovsky uses the artistic figurative-expressive power of describing minor details of their appearance, communication style, gestures, speech, helping the reader to get insight into the emotional experiences, feelings and desires of his heroes and antiheroes, to reveal their moral and immoral social essence, to define the author's sympathies and antipathies towards them.

Введение

Актуальность темы исследования. Интерес современной филологической науки к человеку как «главному герою» и высшей ценности исследования, его этическим, эстетическим и коммуникационным проблемам возрождается в литературном творчестве на рубеже столетий. Большинство современных философов проводят исторические параллели между периодами начала XX века и начала XXI века в России, во время которых происходит слом старой системы ценностей и зарождение новой, формирование нового механизма власти и перекодирование культурной семантики со «старого» символического языка на «новый», появление новых жанров и стилей в литературе и искусстве.

В науке и философии цикличность процессов исторического развития общества, их анализ и синтез способствуют выявлению новых закономерностей эволюции социальной системы опосредованно. В культуре и литературе цикличность не приводит к синтезу – восхождению на новый уровень, движению в одном направлении. Происходит как бы вращение литературы вокруг собственной оси, вокруг одних и тех же социальных проблем, мнений и оппозиций к ним. В реалиях сегодняшнего дня по-прежнему идеальное и материальное меняются местами, добро и зло, священное и кощунственное, высокое и низкое поочередно утверждаются и отрицаются, а неразрешенные противоречия внутренней духовной культуры человека, проблемы нравственного выбора личности, смысла человеческого существования, оценки общества с позиций справедливости и несправедливости существующих социальных систем сохраняют свою актуальность.

Очевидцем и участником деструктивной социокультурной напряженности России в начале XX в. был русский советский писатель, педагог и журналист Константин Паустовский. Интерес К. Паустовского к природе, географии (путешествиям), истории, позволяет ему избирательно и взвешенно относиться к выбору разных явлений и процессов сложной и многогранной реальности, но особое внимание в своем творчестве писатель уделяет «жизни замечательных людей», биографиям великих людей, «лучшим представителям человечества». В круг его тем входит все самое прекрасное, чем живет человек: отвага, верность, доброта, память, красота поступка.

Авторы статьи делают попытку, исследовав отдельные тексты произведений К. Г. Паустовского и анализируя эпизоды из жизни его героев – революционера П. Шмидта и его антипода, террориста Д. Багрова, воссоздать два противоположных социально-психологических портрета современников писателя, прояснить внутренний мир героев и антигероев, вскрыть их нравственную и безнравственную социальную сущность и выразить авторские симпатии и антипатии к ним, используя емкое и выразительное слово писателя.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, выявить художественно-психологические приемы и языковые маркеры, позволяющие писателю продемонстрировать отдельные свойства личности героя, революционера П. Шмидта и антигероя, террориста Д. Багрова, и воссоздать их социально-психологические портреты, исследовав отдельные тексты К. Паустовского: повести «Далекie годы», «Беспокойная юность», «Начало неведомого века», «Черное море», сборник рассказов «Бросок на юг»; во-вторых, определить роль семьи в формировании мировоззренческих приоритетов писателя, жизненных нравственных установок и восприятия реальной исторической действительности; в-третьих, осмыслить отношение писателя к социальным катаклизмам и потрясениям в России начала XX в., к проблемам духовной культуры и нравственной ответственности человека за свои деяния.

Для осмысления идей К. Паустовского, воплощенных в его произведениях, в статье применяются следующие методы исследования: метод дискурсивного анализа текста, который обращен к лексико-семантическому и событийному аспекту в совокупности с экстралингвистическими факторами; культурно-исторический метод, социологический и биографический методы.

Материалы исследования:

Адорно Т. Исследование авторитарной личности. М.: Серебряные нити, 2001.

Булгаков М. А. Собачье сердце. М.: Нигма, 2021.

Лебон Г. Психология народов и масс. М., 2001.

Лебон Г. Психология толп. М.: Институт психологии РАН; КСП+, 1998.

Монах Лазарь (Афанасьев В. В.). Ставка на сильных. Жизнь Петра Аркадьевича Столыпина: документальное повествование. М., 2013.

Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1996.

Паустовский К. Г. Собрание сочинений: в 9-ти т. М.: Художественная литература, 1981-1983. Т. 2. Т. 4. Т. 5. Т. 7.

Тард Г. Общественное мнение и толпа. М.: АСТ, 2021.

В качестве материала исследования были привлечены следующие словарные источники:

Булыко А. Н. Большой словарь иностранных слов: 35 тысяч слов. Изд-е 2-е, испр. М., 2008.

Даль В. И. Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка. М.: Астрель; АСТ; Хранитель, 2008.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Изд-е 4-е, доп. М.: Азбуковник, 1998.

Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014.

Теоретической базой исследования послужили публикации отечественных авторов в области филологических наук, исследующих творчество К. Паустовского (Ачкасова, 1977; Калугина, 2009; Кременцов, 1984; Малиновский, 2012; Михайлова, 2005; Холмогоров, 1995), труды зарубежных авторов в области социальной психологии, осмысливающих проблемы природы лидера и феномена лидерства (Адорно, 2001; Лебон, 2001; Московичи, 1996; Тард, 2021).

Теоретическая значимость исследования вытекает из поставленных цели и задач.

Практическая значимость исследования заключается в том, что раскрываемый в статье исторический материал, изложенный в уникальном художественном жанре документальной прозы, присущем К. Г. Паустовскому, имеет философско-нравственный потенциал и как духовное наследие может быть использован в образовательно-воспитательном процессе обучающихся в системе гуманитарного знания.

Основная часть

Одним из ведущих жанров творчества К. Паустовского является жанр документальной прозы, в котором исторические факты и документы взаимодействуют с поэтическим восприятием автора. Значительное место

в литературе К. Паустовского занимает биографический жанр. «Конкретные жанровые формы его биографических произведений разнообразны: это и очерки-портреты, и повести, и вставные главы в повестях, и пьесы. Писатель рассказывает о “лучших представителях человечества”, используя создание образов-антиподов, вводя в текст исторические даты, названия, имена исторической эпохи» (Малиновский, 2012, с. 81). Жанро-образующей категорией и компонентом содержания у писателя может выступать и научно-техническое начало. Примером «творческой работы над формой у Паустовского является повесть “Черное море” – лиро-эпическая научно-художественная повесть с двухслойным сюжетом (жанр свободного лирического повествования)» (Малиновский, 2012, с. 81).

Художественная документалистика в творчестве Константина Паустовского всегда занимала достаточно заметное место. «Литература факта» отвечала потребности общества в научном и художественном постижении современной действительности и исторического опыта страны (Сафронов, 2007, с. 7).

Обращение к жанру документальной прозы является приметой индивидуального писательского художественного мышления. Художественная правда, по мнению профессора Л. П. Кременцова (1984), возникает в результате взаимодействия документа и вымысла. На стыке документа и вымысла возникли многие его произведения, в которых, по выражению В. Г. Белинского (1955), «ум является на первом месте, а фантазия на втором» (с. 373). Исследователь творчества Паустовского М. Холмогоров (1995) справедливо отмечал, что «писатель, созревший поздно, не вписывается ни в какие историко-литературные схемы», «он уже перерос все “направления”, “течения”, “школы”» (с. 36). Но, может быть, именно поэтому, он так свободно и владеет любыми «приемами», что в запасе у него вся сокровищница мировых достижений!

«Знания и наука нужны были для формирования нового человека не только в качестве могучей производительной силы, а как средство нравственного совершенствования» (Кременцов, 1984, с. 26). Особую роль в процессе оценки исторических событий имела и всегда будет иметь литература, которая как нельзя лучше передает мысли, взгляды автора, его отношение к жизни и реальности.

Большинство произведений К. Паустовского являются творческим откликом на важнейшие события эпохи: две революции, Первая мировая война, Гражданская война, Великая Отечественная война. В них реализуются незыблемые принципы изображения действительности писателя: «Нельзя существовать в литературе тем, кто пытается сочетать служение полуправде и полуфальши со служением своему благополучию... Жалкой бывает судьба писателя, поступившегося правдой во имя далеких от литературы соображений» (Сафронов, 2007, с. 10).

«К тихому голосу К. Паустовского прислушивались на всем просторе нашей обширной страны» (Левицкий, 2004, с. 292). «В кризисные периоды истории мы можем посмотреть на мир глазами человека, сумевшего остаться настоящим русским интеллигентом» (Калугина, 2009, с. 77).

По мнению М. В. Михайловой (2005), «воспоминания К. Г. Паустовского о событиях начала XX века являются ценными свидетельствами крупных исторических событий, в которых правда о пройденном пути, о прожитом и пережитом изложена с позиции того, кто не покинул родину, не уехал в эмиграцию» (с. 1).

Основой для анализа событий и процессов сложного переломного периода в истории России начала XX в. являются историко-биографические произведения писателя: «Далекие годы» («Поездка в Ченстохов», «Розовые олеандры», «Брянские леса», «Вода из реки Лимпопо», «Красный фонарик», «Разгуляй»), «Беспокойная юность» («Здесь живет никто», «Небывалая осень», «Мимо войны»), «Начало неведомого века» («Водоворот»), в которых К. Паустовский выражает свое отношение к известным личностям и к общественным событиям. Безусловно, историко-биографические рассказы писателя отражают его мировоззренческие установки и систему нравственных ценностей, заложенных родителями в процессе его воспитания.

Авторы статьи обращают особое внимание на роль, которую сыграла семья К. Паустовского в формировании и развитии его мировосприятия и миропонимания, поиске путей цели и смысла жизни. Жизненная позиция будущего писателя сформировалась в детские и ученические годы. Огромное значение в этом процессе имела художественная литература, служившая средством познания действительности, воздействовавшая на ум и чувства юноши. В трагические годы своей жизни он искал поддержки в книгах любимых писателей: «Хижина дяди Тома, или Жизнь среди низших» Гарриет Бичер-Стоу, «Принц и нищий» Марка Твена, «Отверженные» Виктора Гюго, «Монт-Ориоль» Ги де Мопассана, «Евгения Гранде» Оноре де Бальзака, «Пармский монастырь» Стендаля, «Дикая утка» Генрика Ибсена – сначала читал их, а потом создавал сам.

Свое воспитание К. Паустовский определяет как «идеалистическое»: «...глубокая преданность свободе, справедливости и гуманности, равно как и честность перед самим собой» (цит. по: Михайлова, 2005, с. 3). Оно помогло разобраться в сути социальных катаклизмов, о которых он впоследствии вспоминал: «Но на долю моего поколения выпало столько войн, переворотов, испытаний, надежд, труда и радости, что всего этого хватило бы на несколько поколений наших предков. Наши потомки будут, конечно, завидовать нам, участникам и свидетелям великих переломов в судьбе человечества» (Паустовский, 1982, т. 4, с. 272).

Передать атмосферу прошлого, увидеть человека, почувствовать, раскрыть его характер позволял К. Паустовскому удивительный дар «зоркости», дар замечательного мастера слова с художественной емкостью этого русского слова, мастерством композиции, изобразительно-выразительной силой деталей. Это способствовало созданию им психологических портретов своих современников, личностей, лидеров, в том числе и тех, чья оценка в истории по-прежнему спорна, а именно террориста Д. Багрова и революционера П. Шмидта.

С Д. Багровым К. Паустовский (1982, т. 4) учился в одной гимназии, и именно он запомнился будущему писателю как человек, который хладнокровно издевался над малышами, доводил их до слез (он руководил действиями старшеклассников свистком, взмахом руки), а потом так же спокойно убил П. Столыпина: «Развлечение это, стоившее нам столько слез, придумал бледный гимназист. Его звали Багров» (с. 87).

В тексте повести «Далекие годы» у К. Паустовского (1982, т. 4) нет портретного описания Дмитрия Багрова, им используется только одна характеризующая деталь его внешности – бледность: «Бледный гимназист стоял около двери... высокий бледный гимназист протяжно свистнул... развлечение придумал бледный гимназист...» (с. 86).

Интересно отметить, что в рассказе «Поездка в Ченстохов» повести «Далекие годы» для характеристики персонажа – польского крестьянина Михася, жестокого безразличного парня (он убивает аиста и спокойно смотрит на умирающего сына), впервые автором используется определение «бледный» (Паустовский, 1982, т. 4, с. 31). Это произведение повествует о событиях 1900 года, а впоследствии Паустовский употребляет это же художественное средство, говоря о событиях, произошедших через 11 лет, для характеристики уже убийцы-террориста Багрова. Два героя разделены временным отрезком, обстоятельствами, но объединены одним качеством – отсутствием сострадания, милосердия, любви ко всему живому в мире.

В словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (1998) зафиксировано значение лексемы «бледный» в переносном значении как «не производящий впечатления, невыразительный» (с. 50).

В словаре Д. Н. Ушакова (2014) лексема «бледный» в переносном значении трактуется как «незначительный, не производящий никакого впечатления» (с. 40).

Использование этого художественного штриха (бледность), по нашему мнению, имплицитно передает оценку писателем террориста как не производящего никакого впечатления, незначительного. Командует же Багров одноклассниками, используя невербальные способы общения, которые являются единственным инструментом социальной коммуникации в животном мире. Человек сохранил в арсенале поведения многое из своего животного прошлого и по-прежнему использует невербальные коммуникационные сигналы, выражающие отношение друг к другу в конкретных ситуациях. В случае с Д. Багровым невольно возникает ассоциация, что вожак управляет дрессированными животными. Такие поступки возглавляемой Багровым группы старшеклассников вызывают только страх и даже ужас у ребят младшего возраста.

Психологическое состояние малышей выражено определением «обезумевшие»; их действие – предикативы: «вырваться», «рваться», «просить», «плакать», «выть», «реветь» с дополнительным значением через использование деепричастий – «не видя», «не понимая», «оглашая (рыданиями)». В тексте К. Паустовский использует многозначительную деталь, подчеркивающую трагизм ситуации, – «звонок затрещал зловеще» (олицетворение). Словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (1998) определяет слово «зловещий» как «предвещающий несчастье, зло (выделено нами. – И. Г., Ж. Р.)» (с. 230).

Реакция безоговорочно подчиняющихся своему лидеру и самого лидера на страдания детей такова: бледный гимназист и старшеклассники были неумолимы. Словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (1998) определяет слово «неумолимый» как «такой, которого нельзя упросить; безжалостный, непреклонный» (с. 415).

Согласно психологической концепции Т. Адорно (2001), перед нами портрет особого типа авторитарной личности, для которой власть является психологической потребностью, позволяющей избавиться от собственных комплексов. Такая личность формируется в нездоровых общественных условиях, порождающих массовые фрустрации и неврозы, состояния подавленности, гнетущего напряжения, тревожности, безысходности и отчаяния.

Обладание безграничной властью над другими и их полное подчинение доставляют такому лидеру особое наслаждение. Он зачаровывает и вызывает в душах людей порой амбивалентные чувства: любви и страха. Власть для таких лидеров является психологической потребностью и формой своеобразного садизма. Она позволяет личности избавиться от собственных комплексов посредством навязывания своей воли другим.

Наиболее поразительной особенностью такой безграничной власти над другими Г. Тард (2021) считает полное отсутствие протеста против проявляемой тирании у ведомых. Удивительным является факт их полной зависимости от личности тирана и невозможности ему противостоять. Г. Тарда, автора труда «Век толпы», поражает, какой силы бывает привязанность у подавляемых людей.

«Несколько лет спустя он [Багров] стрелял из револьвера в Киевском оперном театре в царского министра П. Столыпина, убил его и был повешен» (Паустовский, 1982, т. 4, с. 87).

«Вдруг раздался резкий треск... Около барьера сидел на полу высокий человек с черной круглой бородой и лентой через плечо. Он шарил по барьеру руками, будто хотел схватиться за него и встать. По проходу шел от Столыпина к выходным дверям молодой человек во фраке. Я не видел на таком расстоянии его лица. Я только заметил, что он шел совсем спокойно, не торопясь.

Из ложи бенуара прыгнул вниз офицер и схватил молодого человека за руку... – Он убил Столыпина, – сказал мне шепотом Фицовский» (Паустовский, 1982, т. 4, с. 228).

Багров убивает Столыпина хладнокровно, без сожаления и без колебаний. В акте убийства он психически стрессоустойчив, вынослив, не теряет самообладания и в экстремальной ситуации уверен в себе.

Д. Багров – лидер, который, обладая особым сплавом отрицательной энергии разрушения, нечеловеческой воли над собой и над другими, решительно настроенный на разрушение старого и достижение поставленной цели, яростно одержим своей идеей. Самое главное, он уверен в праведности и важности того дела, которое отстаивает. В рассказе К. Паустовского «Выстрел в театре» Д. Багров выступает как террорист, который не пытается сделать что-то путем убеждения, а является сторонником идеологии насилия. Это стихийное начало в лидере заявляет о себе как потребность и необходимость в диктате и кровопролитии. Убийство Багровым П. Столыпина, по мнению большинства историков, в какой-то степени подвело черту под спокойным временем в Российской империи.

Второй, противоположный Д. Багрову, портрет личности лидера – революционера, создателя идеи нового мира Петра Шмидта – писатель создает в рассказах «Лейтенант Шмидт», «Мужество», «Маячный смотритель».

Следует уточнить, что образ революционера Шмидта дан К. Паустовским в восприятии разных людей – очевидцев, близко знавших Шмидта: это моряки, старый аптекарь, сестра Шмидта, защитник офицера на суде.

Каждый из рассказчиков отмечает что-то свое в облике легендарного лейтенанта, но главное, в чем все они едины: всеми его поступками двигало одно чувство – чувство деятельной любви к человеку, ради которого он идет на Голгофу, как и Христос. К. Паустовский (1981, т. 2) вспоминает, как, «уезжая на “Очаков”, Шмидт сказал, что “идет на Голгофу”». Он согласился руководить восстанием, которое заранее было обречено на провал, но, чтобы «не оставлять матросов одних, чтобы взять вину на себя» (ассоциация с подвигом Христа), «уменьшить кровопролитие...», осознанно соглашается на жертву. Потом вместе с моряками (он любил их как детей) «величественно и спокойно» идет по Березани (Голгофе) на крест, на смерть, но при этом отвечает священнику на его предложение принять причастие отказом, мотивируя это тем, что в Евангелии нет слов о том, что «можно убивать людей» (с. 61).

Жизнь лейтенанта П. Шмидта и его жертвенный подвиг К. Паустовский называет «сильной и печальной легендой». Первым произведением о Шмидте был очерк, напечатанный в общественно-политическом и литературном еженедельнике «Народный вестник» в 1917 году, который так и назывался «Лейтенант Шмидт».

Особую роль в очерке при создании портрета П. Шмидта писатель уделяет элементам внешности мятежного лейтенанта. Их перечисляет один из присутствующих на суде над Шмидтом и его товарищами очевидец:

«Я никогда не забуду его лица, его проникновенных глаз, его гордой осанки, его – “светлого трибуна” с душою ребенка, который перед смертью так трогательно и просто вспомнил Христа» (Паустовский, 1983, т. 7, с. 278).

К. Паустовский (1983, т. 7) отмечает при этом талант Петра Шмидта как замечательного оратора: «Когда он говорил на суде, часовые отставили винтовки и плакал старый полковник» (с. 278).

Эмотивная оценка личности Шмидта, которую дает К. Паустовский (1983, т. 7) в рассказе «Лейтенант Шмидт», созвучна моральным ориентирам самого автора. «Шмидт – это воплощенная воля, это та непоборимая сила духа, перед которой или склоняются, или бледнеют от стыда за свое безволие. Безоружный, он приезжал на военные корабли и призывал к восстанию. Его выслушивали, его молча, почтительно проводжали старые адмиралы, невольно преклоняясь перед его смелостью, доходившей до безумия» (с. 279).

Глаза Шмидта – это глаза пророка («глаза горели, как у пророка»), а когда он шел, казалось, идет по воздуху («шел быстро, будто не по палубе, а по самому воздуху») (Паустовский, 1981, т. 2, с. 44). После смерти Шмидта приходит он к сподвижнику его в видении: «Идет навстречу Шмидт. Живой, веселый, смеется мне... Добрый голос у человека. Целует меня крепко и говорит: “Вот и свиделись мы с тобой, Дымченко. Не даром... шли на смерть, не даром приняли страдания”» (Паустовский, 1981, т. 2, с. 44) (ассоциация с Христом).

В Толковом словаре В. И. Даля (2008) одно из значений слова «пророк» дается как «озаренный Богом провозвестник» (с. 254) (как упоминалось ранее, и сам лейтенант цитирует Христа). Моряки, обращаясь к Шмидту, называют его «брат, друг, святой наш товарищ», любят его крепко, верят как никому на свете (в скрытой завуалированной форме идея веры – верят как Богу).

В портретных характеристиках мятежного лейтенанта Константин Паустовский (1981, т. 2) отдает предпочтение описанию фонациональных кинем: «Он говорил так, что каждое слово било, как пуля, в грудь человека. Его прекрасный голос слышал весь Севастополь» (с. 48). «Шмидт говорил, как величайший трибун... Он заражал людей тем состоянием, какое я назвал бы восторгом и самозабвением. Когда он говорил, то исчезали границы между действительностью и мечтой» (с. 56). Его «глаза горели, как у пророка» (с. 47), «и ветер шевелил прекрасные волосы» (с. 48). «Легкий шаг был у человека, светлое лицо» (с. 44). «Даже на картинах мастеров Возрождения я не встречал таких лиц. Есть лица, бледные от великой внутренней страсти, излучающие свет ума и благородства. Таким было лицо Шмидта» (с. 56).

Революционер Шмидт видел смысл жизни в борьбе за идеальную действительность в России и свято верил в возможность отстоять свое право быть человеком. В этой борьбе не должно быть ни гордости, ни тщеславия. Революционер должен располагать страстной самоотдачей делу, которому он готов ответственно служить.

Исследователь социальной психологии лидерства Серж Московичи (1996) подчеркивал, что перевернуть существующий порядок и привести все общество к настоящей цели способен только лидер, обладающий особой харизмой.

В «Большом словаре иностранных» слов А. Н. Булыко (2008) «харизма [гр. charisma – милость, божественный дар] – исключительная одаренность (о святых), высокий авторитет, основанный на умении подчинять других своей воле» (с. 638).

К. Паустовский в своих рассказах, используя фонациональные кинемы, создает образ высоко одаренного, интеллектуально образованного, благородного офицера – лидера П. Шмидта, обладающего не только личной притягательностью, но и харизматичностью. Писатель наделяет своего героя свойствами, вызывающими преклонение перед ним у революционно настроенных матросов и безусловную веру в его возможности руководить ими. П. Шмидт – лидер – «тот, кем все восхищаются и кому подчиняются» (Лебон, 1998, с. 187).

Великие лидеры, по мнению Г. Лебона (1998), – это великие психологи, хорошо понимающие душу толпы, ее инстинкты, потребности и желания. Толпа не может обойтись без лидера или вождя и инстинктивно подчиняется его воле.

Подчеркнем, что два представленных К. Паустовским социально-психологических портрета террориста Д. Багрова и революционера П. Шмидта создаются на особом историческом фоне социально-политических перемен, социальных катаклизмов и потрясений в России начала XX в., в условиях, когда нравственный ба-ланс в обществе нарушается и сложно определить, где «Добро», а где «Зло».

Дисбаланс социальных сил только усиливает воздействие нравственных начал в личности Шмидта. Стремление к истине (интеллект лидера способен обеспечить чистоту знания, реальной ситуации, сложившейся в России) и духовному совершенству позволяет П. Шмидту принять нравственное решение и встать на сторону восставших матросов. Стремление к истине будет слепым без озарения его на пути к цели духовной.

Первопроходец в вопросе психологии масс Гюстав Лебон (2001) в своей книге «Психология народов и масс» отводит великим умам – лидерам – особую роль в судьбе цивилизаций. Позволим себе предположить, что к именно таким, преобразующим существующую действительность определенным образом, можно отнести «мятежного лейтенанта» П. Шмидта.

Г. Лебон (2001) проводит четкую грань между различными видами лидеров и вожаков, так как считает, что для различных событий сообразно подходят лишь определенные типы людей. Обыкновенно вожаки не принадлежат к числу мыслителей – это люди действия. Таким К. Паустовский видит Д. Багрова, который ни в чем не сомневается: ни в правильности своего поступка, ни в его последствиях. Ему не присущ самоанализ, его убеждения нельзя поколебать никакими доводами рассудка.

В одинаковых условиях социальных потрясений в России начала XX в. писатель создает два противоположных социально-психологических портрета личностей одной исторической эпохи – революционного идеалиста, мятежного лейтенанта П. Шмидта, и индивидуального террориста, вожака Д. Багрова. Революционер и террорист – два сложных понятия уже на уровне этимологии термина вскрывают нравственную сущность их личностей и позволяют оценить их деятельность.

В словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (1998) понятие «революционер» трактуется как «1. Участник революционного движения, революции (в 1 знач.), сторонник революционных методов борьбы. Профессиональный революционер (посвятивший всего себя революционной борьбе). 2. Человек, который производит переворот, открывает новые пути в какой-нибудь области жизни, науки, производства» (с. 672). Революционер может быть террористом, а может и не быть. Революционер – это человек, который добивается своей цели – смены власти – как путем убеждения, так и силовыми акциями, но его основное оружие – убеждение.

Причины, которые привели П. Шмидта к руководству восставшими севастопольскими моряками 14 ноября 1905 года, по-прежнему до конца не ясны. В образ безусловного революционера он «не вписывается». Стенографической записи речи Шмидта на суде не сохранилось. В рассказе «Мужество» К. Паустовский (1981, т. 2) воспроизводит последние слова Шмидта, произнесенные им перед казнью. Они звучат предостерегающе и сегодня: «Я знаю, что столб, у которого я встану принять смерть, будет водружен на грани двух разных исторических эпох нашей родины... Не гражданин Шмидт, не кучка восставших матросов перед вами, а сто-миллионная Россия, и ей вы выносите свой приговор» (с. 59).

Под словом «революционер» К. Паустовский (1982, т. 4) «понимал и видел нечто отчаянно смелое, непреклонное и самоотверженное» (с. 292). Именно таким убежденным и предчувствующим судьбоносные события в истории России мы видим портрет П. Шмидта в рассказах писателя.

Образ Д. Багрова К. Паустовский создает как образ индивидуального террориста. Общепринятого юридического определения понятия «терроризм» в науке не существует.

В словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (1998): «Террор. 1. Устрашение своих политических противников, выражающееся в физическом насилии, вплоть до уничтожения. 2. Жесткое запугивание, насилие (выделено нами. – И. Г., Ж. Р.) Террорист. -а, м. Участник или сторонник актов индивидуального террора» (с. 796).

Синонимами слова «террор» (лат. *terro* – страх, ужас) являются слова «насилие», «запугивание», «устрашение». При индивидуальном терроризме одиночек адресатами терактов являются конкретные лица, которые в силу личных действий или принадлежности к определенной группе или организации подвергаются насилию. В истории России – это русские цари и государственные сановники. Например, убийство русского императора Александра II в марте 1881 года, убийство Председателя Совета министров Российской империи П. Столыпина террористом Багровым 14 сентября 1911 года.

Интересным представляется противопоставление линии поведения на суде террориста Д. Багрова и революционера П. Шмидта. Шмидт говорил, что последние слова на суде ему явились свыше, от Бога.

«На суде Багров держался лениво и спокойно. Когда ему прочли приговор, он сказал:

– Мне совершенно все равно, съем ли я еще две тысячи котлет в своей жизни или не съем» (Паустовский, 1982, т. 4, с. 87).

К. Паустовский, подчеркивает, что революционер П. Шмидт видел смысл жизни в борьбе за идеальную действительность, любил детей, древнюю культуру.

Д. Багров не имел этой цели в жизни, он безразличен к окружающим людям, к своей собственной судьбе, нигде не упоминает о Боге. Дмитрий с волнением следит за политическими событиями в Петербурге и Москве, изучает биографии различных бомбистов и террористов и хладнокровно планирует убийство П. Столыпина (Монах Лазарь, 2013). Следователям Багров заявляет, что он застрелил Столыпина как политического реакционера и врага революции.

Террориста Д. Багрова и революционера П. Шмидта оправляет на смерть правитель – русский самодержец Николай II. Для устранения своих врагов ему не нужно было прибегать ни к терроризму, ни к революционным действиям, так как у него в руках были Власть и Закон. К. Паустовский (1982, т. 4) писал, говоря о казни обоих: «Взрослые много говорили о Багрове и гадали, был ли он действительно революционером или агентом охранки, устроившей убийство Столыпина в угоду царю (Николай ненавидел Столыпина за то, что не мог сопротивляться его воле)» (с. 87). «Николай торопил казнь. Если бы не настойчивые приказы Николая, суд не вынес бы ни Шмидту,

ни Частнику, ни Антоненко и Гладкову смертных вердиктов. В этом уверены все... Все знали тайный приказ Николая расстрелять Шмидта во что бы то ни стало» (Паустовский, 1981, т. 2, с. 57). Настойчивые приказы императора о расстреле революционеров без детального расследования вызывают негативное отношение писателя к самодержцу – это то, что является для Паустовского нарушением и морального, и государственного закона. В своей повести «Начало неведомого века» писатель акцентирует внимание на роли правителя Николая II и его супруги Александры в исторической судьбе России.

В облике русского царя юный гимназист К. Паустовский (1982, т. 4), видевший самодержца лично, отмечал его «скучный взгляд», «каменное лицо» в общении с детьми, желание поскорее покинуть встречавших его персону людей: «Всем видом своим Николай как бы хотел показать, что ему наскучили торжества и что он не намерен тратить время на гимназические концерты» (с. 227). Сам государь был, по воспоминаниям писателя, «невзрачный и даже мешковатый, терялся среди обширной свиты...» (с. 227).

Разобраться в сути происходящих исторических событий и дать им оценку тогда еще юному К. Паустовскому (1982, т. 4) помогают близкие для него люди – отец, мать и бабушка писателя Викентия Ивановна Высокочанская. «Мой отец утверждал, что человек, произнесший перед смертью такие циничные слова, какие сказал Багров, не мог быть революционером». У отца Паустовского Георгия Максимовича «на самом видном месте стояла открытка с портретом лейтенанта П. Шмидта» (с. 127), а самого Паустовского, по его собственным словам, поразил жертвенный подвиг офицера.

Бабушка будущего писателя с детства формировала у внука (К. Паустовского) обостренное эстетическое чувство восприятия природы. Ее философия нацеливала на стремление к лучшему, доброму и светлому, пониманию прекрасного и безобразного. Природа преобразует нравственную суть самого человека, а не социальные потрясения, как завещал сам писатель: «Природа любит, требует равновесия и тишины, она, по существу, так же ласкова, как и любой хороший человек. Будем же жить с ней в мире, чтобы целиком услышать ее задумчивый голос и узнать радость ее тишины» (Цит. по: Касаткин, 2007, с. 16).

О визите Николая II, о его посещении Киева и гимназии, в которой учился внук Константин, Викентия Ивановна отозвалась как о бессмысленном деле, как о желании «красоваться перед людьми». Настоящим царским праздником она назвала красоту солнечного осеннего дня в ее саду: «Разве это не настоящий царский праздник! Выдумывают же себе люди всякие глупости с этим Николаем Вторым! В саду действительно был праздник света и чистого теплого воздуха» (Паустовский, 1982, т. 4, с. 230).

Впоследствии в произведениях уже сформировавшегося писателя прослеживается влияние природы на нравственное состояние человека: «Пейзаж в его произведениях, как правило, создает этическую ситуацию для героев, активно способствует нравственному их самопроявлению» (Ачкасова, 1977, с. 15).

Формированию духовно-нравственной системы ценностей К. Паустовского (1982, т. 4) способствовала мать писателя Мария Григорьевна. Писатель вспоминал, что для нее «мерилом человека была интеллигентность. Если мама кого-нибудь уважала, то говорила: “Это вполне интеллигентный человек!”» (с. 239).

В середине XIX столетия в России к интеллигенции принадлежала морально-образованная часть дворянства, но уже к концу XIX в. это была особая социокультурная, национально-патриотически настроенная прослойка общества, главное предназначение которой заключалось в построении новой России, формировании ее новых нравственно-этических принципов, ценностей и норм. К интеллигенции в России относили лиц высокой умственной и нравственной культуры. В совокупности личностных качеств приоритетными чертами интеллигентности считались: русско-славянское происхождение, высокий уровень образованности, воспитанность, тактичность и личная порядочность, патриотизм и альтруизм.

К. Паустовский (1982, т. 4) родился в полиэтничной семье, где мать имела польские корни, бабушка Фатима была турчанка, дед – украинец. При этом юноша с детства формировался в «лоне» русской классики и народной традиционной культуры. Писатель был сопричастен с русской литературой, языком, напитался их идеями, ценностями, традициями и верованиями. Его воспитанность и образованность, широкий кругозор и постоянная открытость новому, любовь к знаниям, любовь к природе позволяли ему разбираться в нравственных предпочтениях и добродетелях. «Величину этой любви трудно измерить. Я не знаю страны, обладающей такой огромной лирической силой и такой трогательно живописной – со всей своей грустью, спокойствием и простором, – как средняя полоса России. Каждый знает это по себе. Любишь каждую травинку, поникшую от росы или согретую солнцем, каждую кружку воды из лесного колодца, каждое деревцо над озером, трепещущее в безветрии листьями, каждый крик петуха и каждое облако, плывущее по бледному и высокому небу» (с. 79).

Пренебрежение большевиков к традициям великой русской культуры не позволило К. Паустовскому (1982, т. 4) сразу полностью принять революцию: «Многое я принимал, иное отвергал, особенно все, что казалось мне пренебрежением к прошлой культуре» (с. 518).

На страницах воспоминаний писателя о социальных катаклизмах и потрясениях в России начала XX в. появляются рассуждения о роли интеллигенции в этих процессах: «В большинстве своем интеллигенция растерялась – великая, гуманная русская интеллигенция, детище Пушкина и Герцена, Толстого и Чехова. С непреклонностью выяснилось, что она умела создавать высокие духовные ценности, но была за редкими исключениями беспомощна в деле создания государственности... Оказалось, что утверждение справедливости и свободы требует черной работы и даже жестокости. Оказалось, что эти вещи не рождаются сами под звон кимвалов и восхищенные клики сограждан» (Паустовский, 1982, т. 4, с. 517).

Следует отметить, что Октябрьскую революцию 1917 г. писатель принимает не сразу. «Только в 1920 году я понял, что нет другого пути, чем тот, который избран моим народом. Тогда сразу же отлегло от сердца.

Началось время веры и больших надежд. Дальнейшая жизнь пошла уже не случайно, а более осмысленно и более или менее твердо по пути служения народу в той области, которая представлялась мне наиболее действенной и соответствующей моим силам, – в литературе.

Неизвестно, какой путь лучше – от сомнения к признанию или путь, лишенный всяческих сомнений. Во всяком случае, глубокая преданность свободе, справедливости и гуманности, равно как и честность перед самим собой, всегда казались мне непререкаемыми качествами человека нашей революционной эпохи» (Паустовский, 1982, т. 4, с. 519).

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. В 30-е – 50-е годы XX в. К. Паустовский уловил читательскую потребность публики в произведениях на историческую тему. Как очевидец всех событий начала нового столетия в России он стал и участником, и свидетелем великих переломов в судьбе своей исторической Родины. «В сознании своих современников писатель был безупречным нравственным авторитетом» (Левицкий, 2004, с. 292).

В рассказах, исторических повестях, проанализированных авторами статьи, К. Паустовский предстает перед нами как мастер-повествователь малой документальной прозы, способный рассказать своим читателям о «лучших представителях человечества» и их антиподах. Его субъективно-личностные художественные и документальные оценки событий и персоналий своего исторического времени позволяют нам глубже осмыслить, воссоздать и оценить место и роль современников писателя – революционера П. Шмидта и его антипода – террориста Д. Багрова – в истории России. Цельные образы героя-революционера и антигероя-террориста не прописаны К. Паустовским в отдельно взятом литературном произведении. Писатель создает их фрагментарно в нескольких повестях: «Далекие годы», «Беспокойная юность», «Начало неведомого века», «Черное море», сборнике рассказов «Бросок на юг». Отношение к этим личностям Паустовский передает, используя художественную изобразительно-выразительную силу описания незначительных, на первый взгляд, деталей их внешности, манеры общения, жестов, речи, которые помогают вскрыть нравственную и безнравственную социальную сущность героя-революционера и антигероя-террориста, выразить симпатии и антипатии к ним.

Так, в портретных характеристиках П. Шмидта К. Паустовский отдает предпочтение использованию фонационных кинем, обозначающих действия, приводящие людей в состояние восторга и самозабвения. Использование сравнений позволяет создать портрет «революционного пророка», лицо которого излучает свет ума и благородства. Именно поэтому моряки воспринимают его как святого, как Христа (Паустовский таким образом выражает свое отношение к этому человеку). Портретное описание Д. Багрова у Паустовского отсутствует, писатель использует только одну характеризующую деталь его внешности – бледность, имеющую значение незначительности, а вместе с отсутствием вербальных средств в общении с одноклассниками подчеркивает эту мысль.

Следует отметить, что важную роль в формировании духовно-нравственной системы ценностей К. Паустовского, его мировоззренческих установок и личностных качеств сыграли близкие для него люди – отец, мать и бабушка писателя. Именно они сформировали широкий кругозор юноши, привили любовь к русской природе и культуре, к знаниям, научили его разбираться в моральных предпочтениях и добродетелях. Эти ценностные ориентиры определили систему личностных смыслов в жизни и деятельности К. Паустовского, стали приоритетными и для авторов статьи в процессе анализа творчества писателя. Нравственное отношение к герою П. Шмидту и антигерою Д. Багрову в произведениях К. Паустовского развивается через позицию его отца – Георгия Максимовича, которую писатель полностью принимает. Глубокое уважение к русской интеллигенции и ее нравственным ценностям – преданность свободе, справедливости и гуманности, равно как и честность перед самим собой, писатель сохранил до конца жизни. Получивший «прививку» интеллигентности от матери, Марии Григорьевны, поистине интеллигентным человеком К. Паустовский считал П. Шмидта – человека с чистой совестью и светлой душой.

Авторы статьи, исследовав особенности восприятия К. Паустовским событий и личностей эпохи социальных катаклизмов, разделяют точку зрения писателя и проводят исторические параллели с сегодняшним днем.

Эволюция социально-политической общественной системы в России в начале XX в. (1900-1917 гг.) привела к ценностному конфликту между традиционными институтами самодержавия и новыми, активно проникающими в жизнь страны модернизационными институтами гражданского общества. Самодержавие рухнуло, террор и революционный хаос разрушили страну, но именно в этом хаосе зарождались «кирпичики нового Космоса», нового порядка – этапа реализации новой утопической идеи построения идеального общества. Этот путь был таким же сложным и неоднозначным: репрессии, тюрьмы, каторги. К. Паустовский пишет (1982, т. 4): «Это была горькая чаша. Она не миновала никого. Сильные духом выпили ее и остались с народом, слабые – или выродились, или погибли.

Так входила страна в грозную и длительную эпоху создания новой гражданственности» (с. 517).

Современник К. Паустовского, с которым он учился в одной гимназии в Киеве, М. Булгаков видел, что Россия стремится создать новый тип человека, которого надо научить принципам справедливости и гуманности, честности перед самим собой и другими. В произведении «Собачье сердце», говоря о новом мире в России, М. Булгаков (2021) вкладывает в уста своего героя, ассистента профессора Филиппа Филипповича Преображенского – Ивана Борменталья, гениально простую фразу о необходимости воспитания в Человеке гуманности и человечности: «Учиться и стараться стать хоть сколько-нибудь приемлемым членом социального общества» (с. 40).

Авторы намеренно заканчивают статью, неразрывно связывая судьбы двух гениальных людей, двух великих мастеров слова в России начала XX в. – К. Паустовского и М. Булгакова, ибо проблемы, поставленные ими, являются проблемами духовной культуры – нравственной ответственности человека, правителя, нравственной ответственности интеллигента, нравственной ответственности ученого за поставленные в обществе социальные эксперименты и их результаты. Нравственное начало в личности становится пробой человечности, ибо по своей общей природе люди – общественные, а потому и нравственные существа.

«Человечество само позаботится об этом и в эволюционном порядке каждый год упорно, выделяя из массы всякой мрази, создает десятками выдающихся гениев, украшающих земной шар» (Булгаков, 2021, с. 56).

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении произведений К. Паустовского с целью осмысления его уникального жанра художественно-документальной прозы как источника для анализа и оценок исторических событий и персоналий в России начала XX в., в проведении исторических параллелей с весьма значимыми кризисными явлениями и процессами в современной истории и культуре нашего Отечества.

Источники | References

1. Ачкасова Л. С. Человек как нравственная ценность в эстетике К. Паустовского. Казань, 1977.
2. Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1846 г. Взгляд на русскую литературу 1847 г. М., 1955.
3. Калугина Т. В. Лингвокультурологические аспекты автобиографической прозы Паустовского // Культура народов Причерноморья. 2009. № 173.
4. Касаткин В. М. Концепция природы и человека в творчестве К. Г. Паустовского // Наследие К. Г. Паустовского и современность: экология, культура, нравственность: мат. междунар. науч.-практ. конф. / Рязанская областная юношеская библиотека им. К. Г. Паустовского. Рязань, 2007.
5. Кременцов Л. П. Проблема творческой эволюции писателя (К. Г. Паустовский): дисс. ... д. филол. н. М., 1984.
6. Левицкий Л. Голос Паустовского // Вопросы литературы. 2004. № 2.
7. Малиновский А. Т. Итог авторских жанровых поисков // Под звездой Паустовского: междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-й годовщине публикации повести К. Г. Паустовского «Черное море» (г. Одесса, 6-11 ноября 2006 г.); первая междунар. конф. студентов «Паустовские чтения - 2007», посвящ. 115-й годовщине со дня рождения К. Г. Паустовского (г. Одесса, 5-7 октября 2007 г.). Одесса, 2012.
8. Михайлова М. В. Воспоминания К. Г. Паустовского о начале XX века: текст и контекст // Мир Паустовского. 2005. № 23.
9. Сафронов А. В. К. Г. Паустовский и традиции русской художественно-документальной прозы // Наследие К. Г. Паустовского и современность: экология, культура, нравственность: мат. междунар. науч.-практ. конф. / Рязанская областная юношеская библиотека им. К. Г. Паустовского. Рязань, 2007.
10. Холмогоров М. Он между нами жил // Вопросы литературы. 1995. Вып. 5.

Информация об авторах | Author information

RU

Галяс Ирина Анатольевна¹, к. филос. н., доц.

Руденко Жанетта Анатольевна²

^{1,2} Севастопольский государственный университет

EN

Galyas Irina Anatolyevna¹, PhD

Rudenko Zhanetta Anatolyevna²

^{1,2} Sevastopol State University

¹ korol_irina9@mail.ru, ² riv1953@ya.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 02.12.2022; опубликовано (published): 31.01.2023.

Ключевые слова (keywords): революционер П. Шмидт; террорист Д. Багров; социально-психологический портрет; портретная деталь; нравственность; revolutionary P. Schmidt; terrorist D. Bagrov; socio-psychological portrait; portrait detail; morality.